

Глава вторая. Радостная весть во второй ветви и рождение Цзя Чжу

Чжан Се не предполагал, что судьба уготовит ему столь причудливый удел: умереть в своем мире и очнуться в теле первенца второй ветви Жунфу, начав новую жизнь под именем Цзя Чжу. Радость от чудесного спасения улетучилась быстро, уступив место глухой тоске. Из всех возможных путей провидение выбрало худший — забросило его в семейство, обреченное на позор, конфискацию имущества и неминуемую гибель. Если впереди его ждала лишь новая смерть или бесславное нищенство на мостовой, то не лучше ли было сразу кануть в небытие и дожидаться честного перерождения?

Однако, поразмыслив, Цзя Чжу решил не сдаваться. Человек предполагает, а небо располагает, и если уж ему суждено было остаться здесь, стоило побороться. В прошлой жизни — там, где его сердце вопреки всем законам принадлежало другому мужчине, — он уже однажды отважился бросить вызов судьбе ради любви. И пусть та битва окончилась трагически, лишив его жизни, он не раскаялся.

«Что стало с ним, моим единственным? — тоскливо думал Цзя Чжу, вглядываясь в пустоту. — Если мы погибли вместе, быть может, его душа тоже скитается где-то в этом мире? Если так, я переверну небо и землю, но найду его. А если он уже успел переродиться в ином краю, что ж... мне останется лишь молить богов о встрече в грядущих воплощениях»

Цзя Чжу тихо вздохнул, принимая неизбежное.

Семейство Линь

Оставим пока Жунфу и обратим взор на столичное семейство Линь. Родом они были из славного Гусу; предки их на протяжении пяти поколений носили почетный титул хоу, причем три поколения наследовались прямым указом, а четвертому государь продлил привилегию по особой монаршей милости. Нынешний же глава рода, Линь Хай, пошел иным путем — отказался от праздной воинской славы и снискал почет на ученом поприще, блестяще сдав государственные экзамены. Это было семейство не просто знатное, но истинно просвещенное, заслужившее славу образца благородства и учености. И все же над домом Линь тяготел злой рок — из поколения в поколение род их оставался малочисленным, держась лишь на единственном наследнике. Линь Хай, оставшись последним мужчиной в семье, неустанно сокрушался об этом, страшаясь, что со смертью его пресечется и вся их славная династия.

Когда Линь Хаю исполнилось двадцать лет, судьба свела его с неким странствующим мудрецом, ведавшим тайны природы и исцеления. Тот, имея давние счеты признательности к роду Линь, вручил молодому человеку склянку с редким снадобьем и наставил, как с помощью особых отваров вернуть телу былую крепость и мужскую силу. Кем был этот таинственный избавитель, мы поведаем в свое время, пока же вернемся к нашему рассказу.

Спустя два года, в одну из душных летних ночей, Линь Хаю явилось странное видение. Во сне он перенесся в туманную обитель, окутанную призрачным сиянием, где веяло ароматами неведомых цветов. Из этой сияющей дымки к нему плавно, словно весеннее облако или первый

пушистый снег, спустилась прекрасная дева. Ее легкие шаги едва касались земли.

— Я — Фея Смертных Грез из Пещеры Рассеянного Аромата, что на Горе Распускающейся Весны в Царстве Иллюзий, — промолвила она голосом, подобным журчанию чистого ручья. — В моей власти земные страсти, девичьи слезы и юношеские безумства.

Линь Хай почтительно склонился в поклоне:

— Приветствую тебя, о бессмертная госпожа. Какую весть ты принесла в мою скромную обитель?

Фея опустила взор и произнесла:

— Срок пришел, и сонму мятежных душ суждено спуститься в смертный мир, дабы искупить свои кармические долги. Звезда Литературы уже готовится обрести плоть, и лучшим приютом для нее станет твой просвещенный дом. Твой род угасает, и ты — последний его страж. Младенец, который родится у тебя, принесет с собой шлейф былых страстей и горестей, но именно он спасет твою династию от полного забвения. Окружи его заботой и помни мое напутствие.

С этими словами Фея протянула ему небольшой кусок чистейшего нефрита и растаяла в предрассветном тумане.

Линь Хай очнулся в холодном поту, долго не в силах понять, где кончается видение и начинается явь.

Не прошло и полугода, как молодая супруга его, Цзя Минь, затяжелела. С момента их свадьбы едва минул год. В ту пору Линь Хай нес службу в столице, и семейство его вместе со старой госпожой Линь проживало неподалеку от поместий Жунфу и Нинфу. Радостная весть о скором прибавлении быстро разнеслась по округе, и матушка Цзя не помнила себя от восторга.

Младенец, которого супруги сочли истинным даром небес, родился крепким и ладным. В память о вещем сне Линь Хай нарек первенца Сююем и повесил ему на шею ту самую нефритовую подвеску, что осталась от ночного видения. В день, когда мальчику исполнился месяц, в доме Линь устроили пышный пир, созвав всю столичную знать.

Жунфу

Этот праздник, однако, лишил покоя госпожу Ван, супругу второй ветви Жунфу. Она вышла замуж за Цзя Чжэна гораздо раньше своей золовки, но за три года супружества так и не сподобилась понести, в то время как Цзя Минь, вышедшая замуж позже, уже нянчила первенца. К тому же в старшей ветви у Цзя Шэ и его супруги Ли-ши подрастал сын, Цзя Мэй, — мальчик болезненный и слабый, проводивший в постели больше времени, чем на ногах, но

все же бывший законным наследником. Сердце госпожи Ван сжималось от зависти и страха. Втайне от мужа она щедро одаривала монастыри, заказывала молебны и пила горькие настои, которые прописывали ей столичные лекари. Наконец небо смилостивилось: не успел маленький Линь Сююй отпраздновать свой первый день рождения, как госпожа Ван почувствовала легкую дурноту. Весть о ее беременности наполнила Жунфу ликованием.

Появления на свет долгожданного наследника ждали со страхом и надеждой. Цзя Чжэн и его супруга души не чаяли в новорожденном, которого нарекли Цзя Чжу. Но злой рок едва не оборвал его начавшуюся жизнь: не успело дитя окрепнуть, как его свалил жестокий недуг. Несколько дней младенец метался в жару, угасая на глазах. Госпожа Ван плакала у колыбели, проклиная судьбу, лишившую ее единственного утешения. Спасение пришло откуда не ждали — Линь Хай и его супруга, приехавшие навестить родню, привезли с собой снадобье, рецепт которого когда-то дал им таинственный мудрец. Снадобье сотворило чудо. Спустя несколько дней лихорадка отступила, и Цзя Чжу впервые открыл глаза. Его взгляд, ясный и глубокий, совсем не походил на взор несмышленного младенца — в нем читалась мудрость взрослого человека, познавшего вкус жизни и смерти.

Когда госпожа Ван оправилась от потрясения, заботы о младенце стали отнимать у нее меньше времени, и она часто оставляла сына под присмотром кормилицы Чжэн-ши и своей доверенной служанки, жены Чжоу Жуя.

В один из погожих полдней, когда госпожа Ван ушла в покои старой госпожи, чтобы прислуживать ей за обедом, женщины остались в комнате наедине. Сидя у колыбели засыпающего Цзя Чжу, они тихо завели разговор, не подозревая, что чуткое дитя ловит каждое их слово. Жена Чжоу Жуя в те годы была еще молода, и кормилица Чжэн-ши величала ее уважительно, по-девичьи.

— Я сама из простых, — негромко начала матушка Чжэн, покачивая люльку, — и такую роскошную свадьбу, какую здесь устроили для молодой барышни, прежде видела разве что в сказках. Вы-то, сестрица, из знатного дома вместе с нашей госпожой пришли, верно, и не к таким чудесам привыкли?

Жена Чжоу Жуя польщенно улыбнулась и покачала головой:

— Что вы, матушка Чжэн! Такое торжество и в наших краях — редкость невиданная. Шутка ли, выдать старшую барышню за самого господина Линя!

— А что это за человек, этот зять Линь? — любопытствовала кормилица.

— Господин Линь Хай родом из Гусу, на прошлых испытаниях удостоился звания таньхуа, — с гордостью пояснила жена Чжоу Жуя. — Семья его древняя, титул хоу они три поколения подряд наследовали, а отцу его государь еще на одно поколение титул продлил за особые заслуги. Сам же господин Линь решил не полагаться на былую славу предков, а пошел по ученой части и сам пробил себе дорогу...

— Славный муж, ничего не скажешь, — кивнула матушка Чжэн и, понизив голос, косилась на дверь. — Старая госпожа, верно, не нарядует на такого зятя? Сама, небось, жениха высматривала?

— А как же иначе? — зашептала собеседница. — Барышня Цзя Минь у старой госпожи любимицей росла, ни в чем отказа не знала. Наша госпожа, когда только в этот дом вошла, диву давалась: все лучшие яства — барышне, шелка да парча — барышне, служанок вокруг нее — целый рой... Скажу вам по секрету, нашу госпожу в родном доме так не баловали, да и матушка ее рано приказала долго жить.

Матушка Чжэн сочувственно вздохнула:

— Я в поместье недавно, прежних порядков не застала. Но люди бают, что молодая барышня была нрава кроткого, ума необычайного и собой на редкость хороша.

— Истинная правда, — подтвердила жена Чжоу Жуя. — Кому же такую не любить? Будь наша госпожа хоть наполовину столь же приветлива да говорлива, старая барыня, глядишь, и к ней бы лаской прониклась...

Она осеклась и тяжело вздохнула. На дне люльки Цзя Чжу прикрыл глаза, едва сдерживая усмешку.

«Так вот где кроются корни этой извечной женской вражды»

— Но приданое барышне собрали знатное, — нарушила молчание матушка Чжэн. — Верно, казна поместья изрядно опустела?

— Ох, не говорите! — оживилась жена Чжоу Жуя. — Одного серебра на сотни тысяч ушло! В сундуки золота три тысячи лан положили, серебра — двадцать тысяч, да еще земли за городом сто цин, двух управляющих, три семьи челяди, девок дворовых без счета... А уж утвари, мебели резной да нарядов — и вовсе не перечесть. Старая госпожа из личных запасов половину отдала, лишь бы дочь ни в чем не нуждалась. В день свадьбы процессия растянулась на три ли, вся улица Жуннин была забита зеваками. А наш второй господин, как старший брат, на белом коне во главе поезда ехал — ух, и гордый же был вид!

Матушка Чжэн согласно закивала:

— Провожать сестру в новый дом — великая честь для брата. Слуги поговаривают, что наш господин в молодости вовсе не был таким суровым, любил и стихи почитать, и вином насладиться. Да и с сестрой они ладили, оттого он и вел процессию сам.

— Так и было, — согласилась жена Чжоу Жуя.

Вдруг в коридоре слышались шаги. Женщины всполошились, прервали разговор и поспешили к дверям, чтобы встретить возвращавшуюся из главных покоев госпожу Ван.

<http://bllate.org/book/18221/1751601>